

Научная статья
УДК 94(47).084.3
<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-493-502>

Идея отмирания права в советской юстиции в 1917–1922 гг.

Николай Николаевич Федосеенков

ФГБУ «Российская академия художеств»
119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Пречистенка, 21
shezgar@yandex.ru

Аннотация

Актуальность. Рассмотрена идея отмирания права в правоведческих и политических спорах первых послереволюционных лет. Дискуссия, связанная с этим вопросом, определила послереволюционную идеологию в нашей стране и оказала серьезное влияние и на теорию государства и права, и на становление советских органов юстиции. Кроме марксистских корней этой концепции, рассмотрена отечественная традиция, не только марксистская. Поставлена проблема – насколько серьезно относились идеологи 1917–1922 гг. к идее «отмирания права» и приоритета «революционной целесообразности» или видели в первой далекую перспективу. Этот вопрос затрагивает разные аспекты и стороны исторической науки.

Материалы и методы. Исследование проведено на основании оригинальных архивных и открытых источников. Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма, рассматривающие исторические процессы в развитии и взаимосвязи. Также использованы ретроспективный и сравнительный методы исторического исследования.

Результаты исследования. Подвергнуты анализу разные аспекты и направления официального советского правоведения революционных и первых послереволюционных лет, носителями которых были П.И. Стучка, Д.И. Курский, Н.В. Крыленко, А.Г. Гойхбарг и др., а также их идейных предшественников. Показана многолетняя традиция, связанная не только с революционным движением, в которой мы видим элементы «правового нигилизма». Раскрыта суть самых острых дискуссий в этом контексте. Показаны причины свертывания идеи «отмирания права» после завершения Гражданской войны и роль В.И. Ленина в этом процессе. Рассмотрены альтернативные пути развития правовых органов в РСФСР в годы Гражданской войны и после нее, во время реформы 1922 г.

Выводы. Идеологию, возобладавшую по отношению к праву в 1917–1922 гг., нельзя воспринимать в изоляции от истории русской и мировой мысли. Эволюция отношения к юстиции после Гражданской войны (в том числе – постепенное преодоление правового нигилизма) привела к восстановлению и усилению элементов стабильного права и централизованного государства.

Ключевые слова: отмирание права, пролетарское право, революционная целесообразность, революционная законность, Д.И. Курский, П.И. Стучка, В.И. Ленин, Русская революция, советская юстиция

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: Н.Н. Федосеенков – постановка проблемы исследования, анализ архивных источников и научной литературы, написание черновика рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Федосеенков Н.Н. Идея отмирания права в советской юстиции в 1917–1922 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 2. С. 493–502. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-493-502>

Original article

<https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-493-502>

The idea of law abolition in the Soviet judicial system in 1917–1922

Nikolay N. Fedoseenkov

The Russian Academy of Arts

21 Prechistenka St., Moscow, 119034, Russian Federation

shezgar@yandex.ru

Abstract

Importance. The idea of law abolition in the legal and political disputes of the first post-revolutionary years is considered. The discussion related to this issue determined the post-revolutionary ideology in our country and had a serious impact on the theory of state and law, as well as on the formation of Soviet judicial authorities. In addition to the Marxist roots of this concept, the Russian tradition is considered, not only the Marxist one. The problem is raised as to how seriously the ideologists of 1917–1922 took the idea of “law abolition” and the priority of “revolutionary expediency” or saw the former as a distant prospect. This issue affects different aspects and sides of historical science.

Materials and Methods. The research is conducted on original archival and open sources basis. The methodological basis of the research is the principles of objectivity and historicism, which consider historical processes in development and interrelationships. Retrospective and comparative methods of historical research are also used.

Results and Discussion. The study analyzes various aspects and trends of official Soviet jurisprudence of the revolutionary and first post-revolutionary years, the bearers of which were P.I. Stuchka, D.I. Kursky, N.V. Krylenko, A.G. Goikhbarg, and others, as well as their ideological predecessors. It shows a long-standing tradition associated not only with the revolutionary movement, in which we see elements of “legal nihilism”. The essence of the most acute discussions in this context is revealed. The reasons for the curtailment of the “law abolition” idea after the end of the Civil War and the role of V.I. Lenin in this process are shown. Alternative ways of development of legal bodies in the RSFSR during the Civil War and after it, during the reform of 1922, are considered.

Conclusion. The ideology that prevailed in relation to law in 1917–1922 cannot be perceived in isolation from the history of Russian and world thought. The evolution of attitudes towards justice after the Civil War (including the gradual overcoming of legal nihilism) led to the restoration and strengthening of elements of stable law and a centralized State.

Keywords: law abolition, proletarian law, revolutionary expediency, revolutionary legality, D.I. Kursky, P.I. Stuchka, V.I. Lenin, Russian Revolution, Soviet justice

Funding. This research received no external funding.

Author’s Contribution: N.N. Fedoseyenko – research problem statement, archival sources and scientific literature analysis, manuscript draft writing.

Conflict of Interests. The author declares no conflict of interests.

For citation: Fedoseenkov, N.N. (2025). The idea of law abolition in the Soviet judicial system in 1917–1922. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*, vol. 30, no. 2, pp. 493–502. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2025-30-2-493-502>

АКТУАЛЬНОСТЬ

Идея отмирания права в правоведческих и политических спорах первых послереволюционных лет. Дискуссия, связанная с этим вопросом, определила послереволюционную идеологию в нашей стране и оказала серьезное влияние и на теорию государства и права, и на становление советских органов юстиции. Для правоведов, судей и всех, кто связан с системой юстиции, а также с правоохранительной системой, в 1917–1918 гг. не было более актуальной дискуссии, чем полемика об отмирании права, оказавшая значительное влияние на формирование феномена «правового нигилизма», в той или иной степени свойственного советской политической системе. В профессиональном сообществе именно эти радикальные изменения стали сутью Русской революции с наиболее явными последствиями [1, с. 122]. Но и для общества споры о праве, которые велись в 1917–1922 гг., во многом стали определяющими – как основное содержание революционных перемен в жизни. В современной историографии все важнее стремление к объективности при анализе сложных и противоречивых процессов, которые охватывали страну (и идеологию, имеющую отношение к праву) в те годы [2].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проведено на основании оригинальных архивных и открытых источников. Методологической основой исследования стали принципы объективности и историзма, рассматривающие исторические процессы в развитии и взаимосвязи. Также в исследовании использованы ретроспективный и сравнительный методы исторического исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первые идеологи советского правосудия, если верить их публичным заявлениям и опубликованным теоретическим изысканиям, не просто надеялись, что право отомрет само собой по мере торжества (достаточно скорого) социалистического уклада. Они постулировали эти идеи в монографиях и речах, которые начали выходить уже после февраля 1917 г. Тогда большевики считали своим долгом проводить антиправовую пропаганду. Еще 24 мая 1917 г. П.И. Стучка (большевик, выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета) опубликовал в «Правде» статью «На почве закона или на почве революции», направленную против Временного правительства. Противопоставляя закон и революцию как несовместимые понятия, он выступил против правительственных требований соблюдать в революционную эпоху соблюдения законности. П.И. Стучка сетовал, что «наши революционные юристы не могут отрешиться от привычного им понятия «самовольных, самочинных действий в целях осуществления мнимого права» и утверждал, что «суть революции заключается именно в захватном праве»¹. Эту линию он активно разрабатывал в публицистике в 1917–1918 гг. Она была связана, кроме прочего, с первоначальными утопическими ожиданиями, связанными с революционными событиями [3, с. 21–22].

После Октября 1917 г. борьба с юридическим мировоззрением, с буржуазными правовыми традициями продолжилась уже не столько в публицистике, сколько в установочных документах и общественных дискуссиях, в которых радикально противоположные точки зрения не допускались, только

¹ Стучка П.И. На почве закона или на почве революции // Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 56.

оттенки в трактовке технологий упразднения «буржуазного права». Многое сводилось к трактовке марксизма: «еще и еще раз мы вслед за Марксом заявляем, что мы должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции» [3]. Но не менее важным для П.И. Стучки был и анализ текущей политической ситуации, которая, по его мнению, была несовместима с консервативными устоями, с сохранением, даже частичным, существовавших порядков. В разгар гражданской войны, в 1919 г., в «Руководящих началах по уголовному праву СФСР» П.И. Стучка попытался обосновать полное отрицание преемственности и общих черт между буржуазным и пролетарским правом. Пролетарское право, по П.И. Стучке, не остатки классического права, которые должны постепенно отмереть при социализме, а некая новая противоположность буржуазному праву. Но основной исторической миссией большевиков П.И. Стучка в 1919 г. считал все-уничтожение права: «Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство, как организацию насилия, и право, как функцию государства»².

П.И. Стучка дал одну из самых популярных в тогдашней юстиции формул: «Право – система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его»³. Позже П.И. Стучка представит это время как стадию разрушения старого, буржуазного права: «Тогда мы шли в лобовую атаку, о гражданском праве и разговора не было»⁴. Он не относился к такому разрушению (и даже к возможным перегибам, которые возникали в этом процессе) не-

гативно, считал эту стадию необходимой для созидания революционного, пролетарского права. И в этом в то время второго (после Г.И. Оппокова) наркома юстиции РСФСР поддерживало большинство политиков.

Первоначальный послереволюционный правовой нигилизм (опиравшийся на представления об отмирании государства при коммунизме) [4] долго оказывал влияние на идеологию, но в практической деятельности органов власти с 1918 г. доминировала другая линия – эксперименты по спешному созданию новых институтов, которые могли бы наиболее эффективно осуществлять политику центра, включая построение управляемой (по возможности) системы судов и трибуналов. Стремлением к управляемости можно объяснить частые обсуждения приговоров ревтрибуналов на заседаниях Политбюро⁵.

А.Г. Гойхбарг (до революции – присяжный поверенный и приват-доцент кафедры Гражданского права Юридического факультета Санкт-Петербургского университета) утверждал: «Всякий сознательный пролетарий знает <...> что религия – опиум для народа. Но редко кто <...> осознает, что право есть еще более отравляющий и дурманный опиум для того же народа»⁶. И хотя, развивая эту мысль, А.Г. Гойхбарг оговаривал, что исполнение установок советской власти в любом случае обязательно, такие концепции приводили к массовому правовому нигилизму, в том числе – среди руководящих работников. Переломить эту тенденцию можно было только с помощью крупных политиков, крупных управленцев.

И в 1917 г., и в первые месяцы после осени 1917 г. лидеры большевиков постулировали, что воспринимают решения властей (в том числе – на местах) как «непосредственный почин народных масс снизу, не на закон, изданный централизованной государ-

² Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

³ Стучка П.И. Пролетарское право // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. Москва, 1931. С. 24.

⁴ Стучка П.И. Государство и право в период социалистического строительства // 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права: сб. ст. Москва, 1931. С. 155.

⁵ См., напр.: РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 3. Д. 251. Л. 1-5.

⁶ Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. 1924. № 1 (7). С. 43.

ственной властью»⁷, что корреспондировалось с отрицанием права. Такие представления сохраняли доминирующую популярность, как минимум, до 1921 г., когда перед советской властью, после побед в Гражданской войне, встала задача становления устойчивой государственности.

Объяснить идею отмирания права с помощью марксистского инструментария попытался один из самых влиятельных тогдашних мыслителей и правоведов Е.Б. Пашуканис, утверждавший, в частности, что «Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание стоимости, капитала, прибыли и т. д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появления новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т. д. ...Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, то есть постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»⁸.

Позже Е.Б. Пашуканис не раз публично отрекался от своих самых радикальных идей. Но в каждой новой его монографии или явно, или в подтексте можно было найти продолжение прежней концепции, которая предполагала необходимость отмирания права по мере развития коммунистического строительства. Он связывал феномен права с экономическими отношениями. Право, с точки зрения Е.Б. Пашуканиса, существует только потому и только до того момента, пока активны финансовые взаимоотношения владельцев товара. Соответственно, по мере развития социалистических отношений право как институт будет отмирать, и юридический аспект в отношениях между людьми и организациями исчезнет. Реализация этой теории создавала трудности при формирова-

нии новых правоохранительных органов [5, с. 73-74].

Стоит обратить внимание на идейные корни этой теории. Идейной опорой утилитарного и нигилистического отношения к праву обычно называют марксизм, в том числе – в его русском изводе. Но можно обратить внимание и на практику дореволюционного времени, когда, несмотря на колоссальную законотворческую работу и в целом удачную судебную реформу 1864 г., отношение к праву, свойственное европейскому просвещению, утверждалось, в основном, в виде деклараций, и противоречий на этом пути было достаточно.

П. Соломон так определил эту коллизию: «Не придавая праву священной ценности и всегда подчеркивая его подчиненный статус, В.И. Ленин и его коллеги использовали право как инструмент своей политики. Такой подход к роли права находился в полном соответствии с автократической традицией царских времен» [6, с. 17]. Добавим, что, как и в царские времена, другие подходы к праву вырабатывались лабораторно, в исследовательских работах, как правило, не имевших прямого отношения к государственному заказу. Государственная идеология опиралась на сакральное отношение к самодержавию, что можно трактовать как элемент правового нигилизма [7].

По мнению современного исследователя, историка К.А. Соловьева, концепт законности плохо сочетался с принципами самодержавия, которые сдали позиции в 1905 г., но сохраняли немалое влияние: «...с 1906 по 1917 г. политическая система Российской империи находилась в состоянии «сборки». Она постоянно менялась. Новые порядки насаждались на старые... По той же причине в Основных законах перестали называть монарха «неограниченным», но продолжали именовать «самодержавным». Царь подчеркивал: все осталось словно бы как прежде, в то время как в действительности многое изменилось» [8, с. 224-225]. Свое – скептическое – отношение к правовым приоритетам исповедовали, с другой стороны, и социали-

⁷ Ленин В.И. О двоевластии // Правда. 1917. 9 апр.

⁸ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Москва, 1927. С. 22.

сты, влияние которых росло в том числе и в среде студентов-юристов. Это отразится в отношении государства к народным и окружным судам в конце 1917 – начале 1918 г., во время активного участия левых эсеров в работе правительства. В начале 1917 г. настало их время.

Здесь провести аналогию с тезисами Н.В. Крыленко, неоднократно подчеркивавшего, что интересы Советского государства стоят неизмеримо выше любой юридической «чистоты» и прав отдельной личности. В этой схеме государство (по мнению Н.В. Крыленко, отвечавшее интересам большинства) соответствовало роли монарха, Божьего помазанника, чья воля также должна исполняться беспрекословно, поскольку в Советской стране «исполнительной властью ведают пролетариат и законы издает тоже пролетариат»⁹. То есть, по Н.В. Крыленко, большинство, которому следует подчиняться. Абсолютизация революционной власти в глазах таких интерпретаторов напоминает формулы крайних сторонников самодержавия о сакральности самодержавной власти. В позднейшей программной работе «Ленин и Сталин о революционной законности» Н.В. Крыленко утверждал, что «Источником революционной законности является поэтому только революция, никаких других источников революционного права быть не может. Вот почему в момент своего возникновения никакими формальными признаками революционное правотворчество связано быть не может и ни в каких внешних санкциях оно поэтому не нуждается»¹⁰. Н.В. Крыленко и позже предпочитал расплывчатые правовые категории, которые легко подстраивались под государственную (революционную) целесообразность, что с годами вызывало все больше споров.

Идее отмирания права предшествовала и серьезная традиция в русской классической литературе и политической мысли. Доста-

точно вспомнить разработки А.И. Герцена и, в особенности, Л.Н. Толстого [9]. В 1909 г. Л.Н. Толстой выпустил «Письмо студенту о праве», которое привлекло широкое общественное внимание, в том числе и в профессиональной юридической среде. «Письмо» являлось ответом на послание некоего студента, который попросил Толстого разъяснить его взгляды на существо государственных законов; и знаменитый писатель, властитель дум, представил концентрат собственных взглядов на эту тему, которые увлекли немало единомышленников. Это неудивительно, ведь писатель и мыслитель в то время был настоящим властителем дум не только в России, к каждому его слову – самому спорному – прислушивались внимательно. Пройдя сложную эволюцию отношения к праву, он включил юриспруденцию в число «лженаук» наряду с богословием, философией, политической экономией. Отзвуки толстовского «антиюрицизма» (в данном случае этот термин кажется более точным, нежели «правовой нигилизм») мы встречаем вплоть до нашего времени. Такова сила парадоксальной и заостренной мысли Толстого, которого современники воспринимали не только как писателя или публициста, но и как учителя жизни, открывателя истины, создателя новой религии.

Он стал последовательным критиком существующей правовой системы и государства. Толстой утверждал: «Право государственное есть право отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают»¹¹. Не менее категорично (не только в упомянутом «Письме студенту о праве») Л.Н. Толстой высказывался о гражданском и даже об уголовном праве, подчеркивая неизбежно субъ-

⁹ Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. Москва, 1924. С. 129.

¹⁰ Крыленко Н.В. Ленин и Сталин о революционной законности. Москва, 1934. С. 7.

¹¹ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 38. Произведения. 1909–1910. Москва, 1936. С. 55.

ективную трактовку дел, как правило, направленную против личности и нравственности, которую писатель связывал с религиозным сознанием. Показательно, что неприятие государства как такового в мировоззрении Л.Н. Толстого усиливалось с каждым десятилетием¹², становилось основой его «учения», вне прямой связи с марксизмом, адептом которого он не был. А влияние на общество Л.Н. Толстой оказывал колоссальное. Его идеями в молодости увлекались и Н.В. Крыленко, и Д.И. Курский, и другие организаторами советской юстиции, возглавлявшие наркомюст. Марксизм исключал увлечение толстовством с его богоискательством, но пользовался популярностью тех его идей, которые не расходились с интересами советской власти.

Но тенденции «правового нигилизма» ко времени окончания Гражданской войны все сильнее противостояла другая идея – укрепления Советского государства на основе новой законности. К 1922 г. возобладала концепция «пролетарского права», которая стала своеобразным компромиссом между прежним отношением к закону и изменившейся реальностью. В его основе стояла достаточно давняя идея В.И. Ленина о том, что элементы «буржуазного права» необходимы социалистическому государству в качестве «регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества»¹³. Особенно важным это повышение статуса «социалистической законности» стало с разви-

тием нэпа. Эта идея оказалась настолько логичной в ситуации укрепления централизованного советского государства после Гражданской войны, что концепцию «пролетарского права», которое вовсе не отмирает, начали активно разрабатывать крупнейшие советские правоведы. Рейснер, Гохман и нарком Д.И. Курский, ставший в 1922 г. главным идеологом «пролетарского права». Важная часть этой тенденции – появление новых, советских, кодексов. По форме они напоминали прежние, но по содержанию базировались на различных трактовках «классового сознания». На смену отрицания накопленного за прошлые века наследия пришла созидательная работа по кодификации законов, приспособленных к новой идеологии, в которой государство и коллектив ставились выше личности, тем не менее, и права личности требовалось охранять. Это вызывало критику слева. Так, Н.В. Крыленко считал, что принимаются законы, которые не отвечали интересам пролетариата и советского государства. В своих статьях и выступлениях он не оставлял, например, от первого советского уголовно-процессуального кодекса камня на камне: «Дефекты процессуального кодекса не только в том, что целый ряд статей излишен, но и в том, что он слишком обязателен по категоричности своих статей. Он слишком детализирует судебную процедуру»¹⁴. То есть Н.В. Крыленко хотел, чтобы судьи по-прежнему имели возможность принимать решения в соответствии со своей революционной сознательностью или по прямому указанию партийных органов. И таких рецидивов радикализма и в теории, и на практике было немало. По объективным причинам в чрезвычайном режиме работали органы юстиции в годы Великой Отечественной войны [10].

Тем не менее, самая кардинальная из реформ 1922 г., связанных с юстицией – учреждение советской прокуратуры – первоначально вызвала критику Д.И. Курского. В особенности, идея централизованной прокуратуры, которую удалось провести через

¹² Суждения Л.Н. Толстого о государстве аргументированно оспорил современный исследователь В.А. Томсинов в статье «Размышления по поводу «Письма студенту о праве» Льва Николаевича Толстого»: «Лев Толстой имел все основания считать государство злом. Но он почему-то не принял во внимание, что государство – зло особенное. Оно – зло НЕОБХОДИМОЕ, НЕИЗБЕЖНОЕ. Без государства людская жизнь не только не становится счастливой, но превращается в настоящее бедствие». URL: http://tomsinov.com/russia_contemp/tomsinov_v.a-razмышlenija_po_povodu_pisma_student.pdf (дата обращения: 15.12.2024).

¹³ Ленин В.И. Государство и революция // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 33. Государство и революция. Москва, 1969. С. 93.

¹⁴ Крыленко Н.В. К проекту нового УПК // Ежедневник советской юстиции. 1927. № 47. С. 1458.

наркомюст, ВЦИК и Политбюро только после активной поддержки В.И. Ленина [11, с. 124-144]. В письме членам Политбюро «О «двойном» подчинении и законности» Ленин придал большое значение организации, задачам и компетенции вновь создаваемой советской прокуратуры, требуя от соратников: «установить подчинение местной прокурорской власти только центру и сохранить за прокурорской властью право и обязанность опротестовывать все и всякие решения местных властей с точки зрения законности этих решений или постановлений»¹⁵. И, хотя многие соратники воспринимали эту идею как сдачу революционных позиций, им пришлось поддержать председателя Совнаркома, настолько велик был его напор. От идеи отмирания права при коммунизме они, при этом, не отказались. Но отложили эту задачу, считая первоочередным делом укрепление советской государственности, а значит и «пролетарского права». Со временем (уже к концу 1920-х гг.) тезисы об отмирании права превратились в фигуру речи, которая имела все меньшее отношение к практической реальности. Серьезной проблемой оставалось претворение в жизнь распоряжений наркомюста [12, с. 51]. После 1922 г. развитие прокуратуры, хотя и не было линейным, в целом

имело тенденцию к усилению этого органа юстиции [13].

ВЫВОДЫ

Идея отрицания права, расцвет которой пришелся на первые годы советской власти, была обусловлена не только марксистскими предпосылками. Значимую роль в укреплении этой идеологии сыграла и многовековая самодержавная реальность, и разработки ее либеральных оппонентов, и своеобразная философия Л.Н. Толстого, получившая широкое распространение. Эта идея отчасти сохраняет свою актуальность и в наше время – например, в аспекте критики концепции «правового государства». Таким образом, нельзя воспринимать идеологию, возобладавшую по отношению к праву в 1917–1922 гг., в изоляции от истории русской и мировой мысли. Историография в последние годы приходит к пониманию, что революция – не событие, а процесс [14, с. 5]. Это особенно ясно при изучении судьбы идеи отмирания права.

Необходимость укрепления «социалистического государства» подталкивала к постепенному преодолению правового нигилизма. Эволюция отношения к юстиции после Гражданской войны привела к восстановлению и усилению элементов стабильного права и централизованного государства – и эта тенденция проявилась уже в 1922 г., в ходе дискуссий о судебной реформе и советской прокуратуре.

¹⁵ Ленин В.И. О «двойном» подчинении и законности // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 45. Март 1922 ~ март 1923. Москва, 1970. С. 201.

Список источников

1. Федосеенков Н.Н. Народный комиссариат юстиции и разработка советского законодательства: от революционной борьбы к законности // Российская история. 2024. № 5. С. 119-126. <https://doi.org/10.31857/S2949124X24050078>, <https://elibrary.ru/skvzjk>
2. Гаврилова И.Н. Проблемы современной оценки революционных политико-правовых преобразований советского государства // Государство и право. 2017. № 12. С. 29-30. <https://elibrary.ru/zvkzfn>
3. Аксенов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г. // Российская история. 2017. № 2. С. 17-32. <https://elibrary.ru/yocvot>
4. Земцов Б.Н. «Правовой нигилизм» большевиков // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4. С. 23-34. <https://elibrary.ru/ynmjcy>
5. Храмов А.Б. Преобразование царской полиции в народную милицию в Тобольской губернии (март – апрель 1917 года) // Новый исторический вестник. 2024. № 3 (81). С. 72-91. <https://elibrary.ru/zxjpeo>
6. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. Москва, 2008. 464 с.

7. Большакова О.В. Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // Российская история. 2016. № 6. С. 145-157. <https://elibrary.ru/xsangt>
8. Соловьев К.А. Самодержавие и конституция: Политическая повседневность в 1906–1917 годах. Москва, 2019. <https://elibrary.ru/xscubw>
9. Козлихин И.Ю. Лев Толстой как зеркало русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2014. № 4. С. 5-14. <https://elibrary.ru/szbyyh>
10. Рыбаков В.А. Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг. // Российская история. 2023. № 3. С. 51-61. <https://doi.org/10.31857/S2949124X23030069>, <https://elibrary.ru/epxcdt>
11. Федосеенков Н.Н. Становление советской правовой системы. Идеология и практика. Москва, 2023. 191 с.
12. Крыжан А.В. Бюрократизм и злоупотребления в местных советских учреждениях юстиции (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 49-62. <https://elibrary.ru/textgur>
13. Никонович С.Л. О закономерностях развития государства и права в советской России (на примере прокуратуры) // Государство и право. 2020. № 10. С. 160-163. <https://doi.org/10.31857/S102694520012243-8>, <https://elibrary.ru/ejldrv>
14. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3-16. <https://elibrary.ru/yocvoj>

References

1. Fedoseenkov N.N. (2024). The people's commissariat of justice and the development of Soviet legislation: from the revolutionary struggle to legality. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 5, pp. 119-126. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S2949124X24050078>, <https://elibrary.ru/skvzjk>
2. Gavrilova I.N. (2017). Problems of contemporary assessment of revolutionary legal and political transformation in the Soviet state. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 12, pp. 29-30. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zvkzfn>
3. Aksekov V.B. (2017). Revolution and violence in contemporaries' imagination: rumors and emotions of the "Honeymoon" of 1917. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 2, pp. 17-32. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yocvot>
4. Zemtsov B.N. (2017). The "legal nihilism" of the Bolsheviks. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad Legal Journal*, no. 4, pp. 23-34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ynmjcy>
5. Khramtsov A.B. (2024). The transformation of the Tsarist police into a people's militia in Tobolsk province (March – April 1917). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, no. 3 (81), pp. 72-91. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zxjpeo>
6. Solomon P. (2008). *Soviet Justice under Stalin*. Moscow, 464 p. (In Russ.)
7. Bol'shakova O.V. (2016). Law and order in pre-revolutionary Russia: recent American studies. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 6, pp. 145-157. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xsangt>
8. Solov'ev K.A. (2019). *Autocracy and the Constitution: Everyday Politics in 1906–1917*. Moscow. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xscubw>
9. Kozlikhin I.Yu. (2014). Leo Tolstoy as a mirror of the Russian legal conscience. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, no. 4, pp. 5-14. (In Russ.) <https://elibrary.ru/szbyyh>
10. Rybakov V.A. (2023). RSFSR people's commissariat for justice and its activity on the courts management (1941-1945). *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 3, pp. 51-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S2949124X23030069>, <https://elibrary.ru/epxcdt>
11. Fedoseenkov N.N. (2023). *The Formation of the Soviet Legal System. Ideology and Practice*. Moscow, 191 p. (In Russ.)
12. Kryzhan A.V. (2014). Red tape and malpractices in the local Soviet institutions of justice (late 1920s – early 1930s). *Novyi istoricheskii vestnik = The New Historical Bulletin*, no. 4 (42), pp. 49-62. (In Russ.) <https://elibrary.ru/textgur>

13. Nikonovich S.L. (2020). On the laws of state and law development in Soviet Russia (for example of the prosecutor's office) V.N. Galuzo. Institute of power of the prosecutor's office in Soviet Russia (1917–1991). Part III. Oblivion of law. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, no. 10, pp. 160-163. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S102694520012243-8>, <https://elibrary.ru/ejldrv>
14. Petrov Yu.A. (2017). Russia on the eve of the Great revolution of 1917: recent trends in historiography. *Rossiiskaya istoriya = Russian History*, no. 2, pp. 3-16. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yocvoj>

Информация об авторе

Федосеенков Николай Николаевич, член-корреспондент, Российская академия художеств, г. Москва, Российская Федерация.
<https://orcid.org/0009-0004-2101-7247>
shezgar@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.01.2025
Одобрена после рецензирования 14.04.2025
Принята к публикации 18.04.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Nikolay N. Fedoseenkov, corresponding member, The Russian Academy of Arts, Moscow, Russian Federation.
<https://orcid.org/0009-0004-2101-7247>
shezgar@yandex.ru

Received 20.01.2025
Approved 14.04.2025
Accepted 18.04.2025

The author has read and approved the final manuscript.